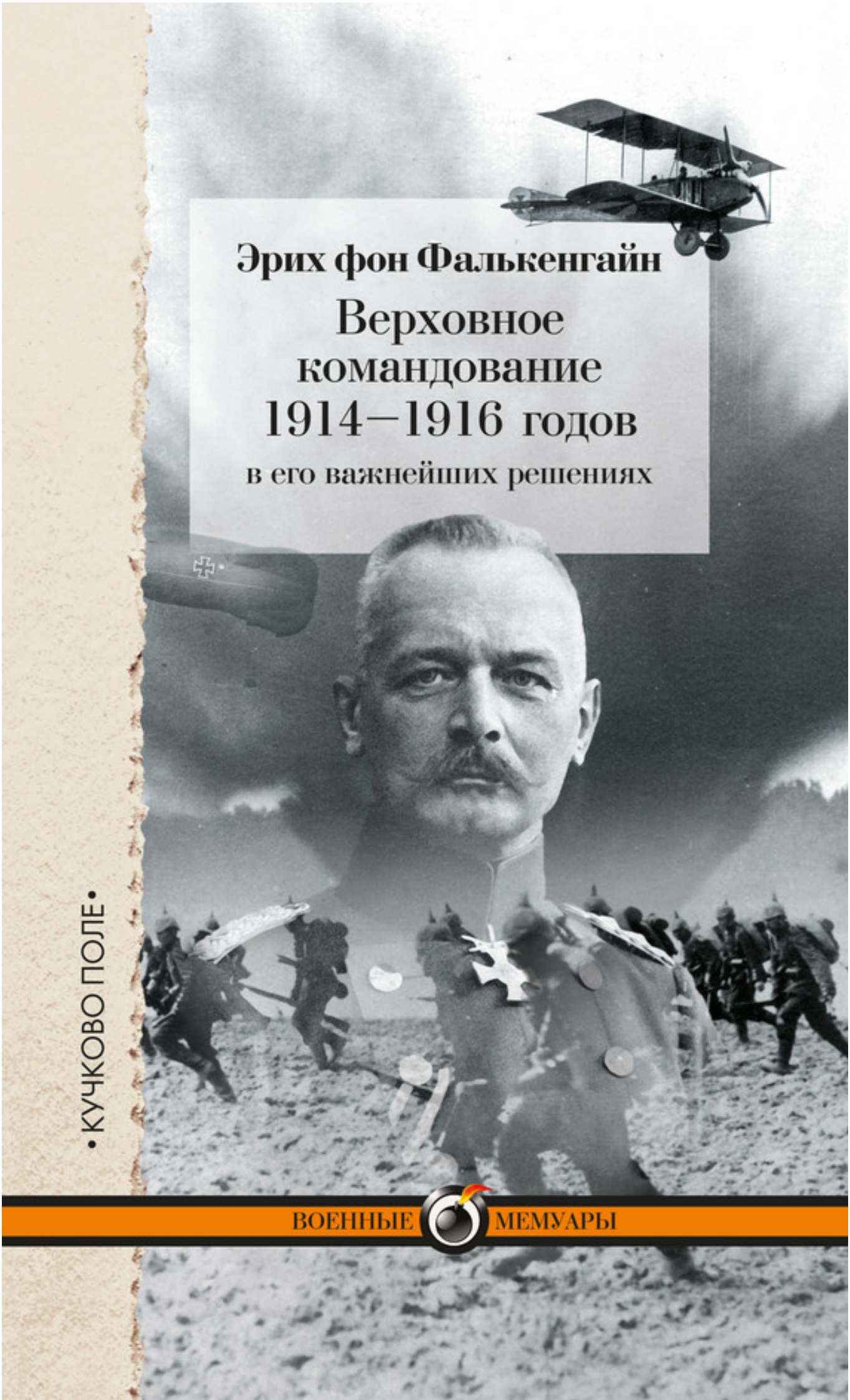

Эрих фон Фалькенгайн

Верховное командование 1914–1916 годов

в его важнейших решениях

• КУЧКОВО ПОЛЕ •

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Военные мемуары (Кучково поле)

Эрих фон Фалькенгайн

Верховное командование 1914–1916 годов в его важнейших решениях

Издательство «Кучково поле»

1923

УДК 94
ББК 63.3(0)53

фон Фалькенгайн Э.

Верховное командование 1914–1916 годов в его важнейших решениях / Э. фон Фалькенгайн — Издательство «Кучково поле», 1923 — (Военные мемуары (Кучково поле))

ISBN 978-5-9950-0436-3

Мемуары Эриха фон Фалькенгайна (1861–1922), военного министра (1913–1915) и начальника Генерального штаба (1914–1915) германской армии, представляют особый интерес в первую очередь благодаря ключевым постам, которые автор занимал во время Первой мировой войны. Написанные сразу после окончания войны, они стали одной из первых попыток ее главных действующих лиц осмыслить завершившуюся четырехлетнюю бойню, приведшую к крушению четырех великих империй: Германской, Австро-Венгерской, Российской и Османской. Поскольку окончание войны и написание мемуаров разделены совсем небольшим отрезком времени, для книги характерна свежесть воспоминаний и впечатлений о военных событиях.

УДК 94
ББК 63.3(0)53

ISBN 978-5-9950-0436-3

© фон Фалькенгайн Э., 1923
© Издательство «Кучково поле», 1923

Содержание

Эрих фон Фалькенгайн: черты биографии 6
Предисловие к русскому переводу 18
I. Смена начальника Генерального штаба 21
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Эрих фон Фалькенгайн
Верховное командование 1914–1916 годов в его важнейших решениях

Erich von Falkenhayn
Die Oberste Heeresleitung, 1914–1916: In ihren wichtigsten Entschließungen

© Ланник Л. В., вступ. ст., примеч., 2014
© Снесарев А. Е., перевод, 1923
© ООО «Кучково поле», 2014

Эрих фон Фалькенгайн: черты биографии

Богатый событиями и яркими личностями XX век достаточно быстро заставил не только обывателей, но и историков сконцентрировать свое внимание на тех перипетиях исторического процесса, актуальность которых представлялась наибольшей к моменту начала исследовательского процесса. В связи с этим как в России, так и за рубежом оказались незаслуженно забытыми деятели таких важнейших периодов в мировой истории как, например, Первая мировая война. При том огромном внимании, которое уделялось учеными Европы и Америки «германской военщине», несмотря на огромное количество литературы, посвященной милитаризму, роли Генерального штаба Германии в развязывании обеих мировых войн, разоблачению связей между германскими генералами и нацистским движением и преемственности агрессивной внешней политики Германской империи и Третьего рейха, один из выдающихся представителей немецкой военной школы остался почти неизвестен исследователям. Речь идет об Эрихе фон Фалькенгайне, фактически возглавлявшем вооруженные силы Германской империи на посту начальника Полевого Генерального штаба на протяжении двух лет (без половины месяца), одержавшем несколько эффектных побед в этом качестве, а после своей отставки сыгравшем выдающуюся роль в боевых действиях 1916–1918 гг. При этом современники и специалисты отдавали ему должное. Так, У. Черчилль назвал Фалькенгайна самым талантливым военачальником кайзеровской Германии, подчиненный этого генерала Ф. Папен (офицер Генштаба и будущий вице-канцлер Веймарской республики) характеризовал его как «оперативного гения»,[1] видный специалист В. Герлиц именно Фалькенгайна считал образцом прусского офицера Генштаба.[2]

Сейчас, спустя 90 лет после окончания Первой мировой войны, можно в полной мере согласиться с редактором русского издания воспоминаний Э. Фалькенгайна А. Е. Снесаревым, писавшим в 1923 г. в предисловии к русскому изданию мемуаров генерала: «О периоде Фалькенгайна пока молчат, и его имя пока неясно и полно загадок».[3] Причины существования указанной лакуны в исследовании Первой мировой войны в целом и участия в ней Германской империи разнообразны и далеко не всегда обусловлены научными соображениями. Известную роль в скромном внимании к Фалькенгайну сыграло то обстоятельство, что в отличие от целого ряда военных и политических деятелей кайзеровской и Веймарской Германии он популярности и политической славы никогда не искал. Резко контрастируя с пышными славословиями в адрес Гинденбурга, яростными политическими памфлетами Тирпица, Людендорфа, Бауэра, Гофмана и многочисленными попытками доказать возможность Германии военным путем победить в войне против Антанты со стороны офицеров и генералов Генштаба (Куля, Лоссберга и т. д.), Фалькенгайн до конца своих дней остался верен традиционной прусской офицерской этике. Он не занимался активной политической деятельностью, не вступал в монархические офицерские организации с целью восстановления Гогенцоллернов на троне, а выйдя в отставку, писал свои воспоминания. Своим мемуарам он отводил крайне скромную роль и, особенно по сравнению с другими, свою роль в победоносных операциях Великой войны не преувеличивал. Вполне естественно, что в бурной обстановке Веймарской республики и последующего прихода нацистов к власти он оказался совершенно заслонен титаническими фигурами Гинденбурга и Людендорфа и генералами рейхсвера Гренером, Сектом и др.

---

[1] *Папен Ф. фон*. Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. М., 2005. С. 81.

[2] *Герлиц В.* Германский генеральный штаб. История и структура 1657–1945. М., 2005. С. 176.

[3] См. с. 36 настоящего издания.

В период господства в германской исторической науке «историографии Генерального штаба» в 1920–1930-х гг. деятельность Фалькенгайна оказалась почти не освещенной.[4] Это вполне объяснимо, так как большинство офицеров рейхсвера, создававших аналитические работы по истории Первой мировой войны, были сторонниками и учениками Э. Людендорфа и П. Гинденбурга, ставших в ходе Великой войны непримиримыми противниками самого Фалькенгайна и отстаиваемых им стратегических взглядов. Они полагали, что именно во время второго верховного главнокомандования (ОХЛ) был упущен ряд возможностей[5] для победы Германии, хотя Фалькенгайн «принял дела» 14 сентября 1914 г. уже после поражения на Марне, которое предрешило гибель Германской империи, сделав ее вопросом времени и цены. Для советских военных специалистов, изучавших наследие империалистической войны, важнейшим являлся опыт Восточного фронта, на котором главным фигурами в 1914–1916 гг. считалась та же пара Гинденбург – Людендорф, хотя и не всегда заслуженно. После Второй мировой войны для военных опыт Первой мировой был уже не так актуален, а ученых Фалькенгайн интересовал с политической точки зрения. Исследовались сюжеты, связанные с борьбой различных группировок в правящей элите Германской империи в 1914–1918 гг.[6] Таким образом, Фалькенгайн по-прежнему воспринимался как политический деятель, а не военный специалист и выдающийся стратег. Подробно рассматриваемый конфликт между канцлерами Кайзеррейха, в первую очередь Бетман-Гольвегом, «кликой» Людендорфа, Тирпицем и Фалькенгайном, позволил осветить некоторые частные моменты, однако не привел к справедливой переоценке вклада последнего в историю Первой мировой войны и историю Германии XX в.

Во многом сохранению историографического вакуума вокруг его имени способствовало и то, что большинство документов о Фалькенгайне оказались в ГДР, в Потсдамском архиве, который был фактически недоступен для историков ФРГ и других стран Западной Европы и Северной Америки. Историки-марксисты ГДР в основном интересовались связями крупных монополий и военных. Генштабисты для них являлись исполнителями агрессивных планов крупной буржуазии, а с этой точки зрения важнейшим оставался этап 3-го верховного главнокомандования 1916–1918 гг. во главе с Людендорфом и Гинденбургом.[7] Только в 1990 г. историки из западной части объединенной Германии получили доступ к архивным материалам о Фалькенгайне.[8] Благодаря этому в 1994 г. вышла лучшая на настоящий момент работа о нем авторства Х. Аффлербаха.[9] В конце 90-х – 2000-х гг. последовала серия работ о войне на Западном фронте, и в особенности о битве за Верден, так как именно эта стратегическая операция, спланированная Фалькенгайном, дает богатый материал для военной антропологии, истории повседневности на войне и других популярных направлений в современной западной историографии.[10]

---

[4] Не считая работ самого Фалькенгайна, едва ли не единственной книгой о его деятельности стала биография, написанная Г. Цвелем. См.: *Falkenhayn E.* Der Feldzug der 9. Armee gegen Rumänen und Russen 1916/17. B., 1921; *Zwehl H.* Erich von Falkenhayn, General der Infanterie. B., 1926.

[5] Труд генерала Макса Гофмана, бывшего фактическим главой Восточного фронта в 1916–1918 гг. так и назывался. См.: *Гофман М.* Война упущенных возможностей. М., 1925.

[6] См., напр.*: Janßen K.-H.* Der Kanzler und der General: Die Führungskrise um Bethmann-Hollweg und Falkenhayn, 1914–1916. Göttingen, 1967; *Guth E. P.* Der Gegensatz zwischen dem Oberbefehlshaber Ost und dem Chef des Generalstabes des Feldheeres 1914/15. Die Rolle des Majors von Haeften in Spannungsfeld zwischen Hindenburg, Ludendorff und Falkenhayn / Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1984. № 1.

[7] См., напр.: *Weber H.* Monopole und Oberste Heeresleitung in den Jahren 1916–1918. Halle, 1962; *Weber H.* Ludendorff und die Monopole: Deutsche Kriegspolitik. B., 1966.

[8] Так как они с 1927 г. хранились с пометкой «конфиденциально». См.: *Hamilton R. F., Herwig H. H.* The Origins of World War I. Cambridge, 2003. P. 179.

[9] *Afflerbach H.* Falkenhayn: Politisches Denken und Handeln im Kaiserreich. München, 1994.

[10] См., напр.: *Münch M.* Verdun: Mythos und Alltag. München, 2006; *Foley R. T.* German Strategy and the Path to Verdun: Erich von Falkenhayn and the development of Attrition 1870–1916. Cambridge, 2005.

Эрих фон Фалькенгайн родился 11 сентября 1861 г. в Бург-Бельхау около Грауденца (Западная Пруссия) в родовитой прусской юнкерской семье. Как и его старший брат Ойген фон Фалькенгайн (1854–1936) Эрих выбрал традиционную для остэльбского прусского дворянина военную карьеру. Весной 1880 г. он вступил лейтенантом в Ольденбургский 91-й пехотный полк, что означало начало его почти 40-летней службы.

Способный и честолюбивый молодой офицер безупречного социального происхождения сделал удачную для прусского военного карьеру, пройдя последовательно все ее этапы. В 1887 г. он поступил в Военную академию в Берлине, окончание которой открывало возможность службы в Генеральном штабе. В ходе обучения Фалькенгайн несколько раз возвращался в строй, чтобы получить опыт командования все более крупными воинскими частями. В 1891 г. он был причислен к Большому Генеральному штабу, а в июне 1896 г. молодой капитан стал военным советником в китайской армии. Это назначение показывает, что Фалькенгайн был одним из лучших молодых генштабистов, так как именно он был избран представлять германскую армию во время борьбы великих держав за влияние на Дальнем Востоке. В 1900 г. Фалькенгайн вернулся в Берлин, однако уже летом 1900 г. специалист по Китаю отправился в составе экспедиционного корпуса подавлять «боксерское» восстание. В 1906–1907 гг. он возглавлял одну из секций Большого Генерального штаба, затем был начальником штаба корпуса, командовал полком и в 1912 г. стал генерал-майором.

7 июля 1913 г. Эрих фон Фалькенгайн стал прусским военным министром, одновременно получив звание генерал-лейтенанта. Назначение было связано не только с его исполнительностью и профессионализмом, но и тем, что он был знаком с кайзером как один из военных инструкторов кронпринца Вильгельма. Фалькенгайн сменил на этом посту И. фон Геерингена, ставшего во главе одной из армейских инспекций, то есть командиром одной из 8 армий в случае войны. Должность военного министра являлась для офицера Генштаба всего лишь очередным этапом карьеры, на котором приобретался необходимый административный опыт. Вскоре новый глава военного министерства погрузился в решение сложных вопросов постепенного увеличения численности армии, повышения дисциплины и спаянности в воинских частях.[11]

В ведении военного министра находился широкий круг вопросов, и именно Фалькенгайну уже через год после назначения довелось принимать важнейшие для судеб Германии и всей Европы решения, которые привели к запуску механизма развертывания германской армии летом 1914 г. Э. фон Фалькенгайн, прекрасно знакомый с тем титаническим масштабом работы, которая была проделана для организации развертывания германских армий по плану Шлиффена, и сложностью процессов мобилизации миллионов солдат, решительно стал на сторону главы Генштаба Г. Мольтке-младшего, заявив о невозможности полумер и резких изменений в случае начала реализации стратегических планов войны с Антантой. Понимая важность каждого дня и каждого часа для увеличения шансов на быстрый разгром Франции, Фалькенгайн высказался за неуклонное выполнение плана мобилизации германской армии, хотя и был против официального объявления войны как Франции, так и России.[12] Таким образом, он являлся одним из тех, кто несет ответственность за необратимость событий, приведших к объявлению войны Российской империи 1 августа 1914 г. и одновременному вторжению германских войск в Люксембург и Бельгию.

С началом Первой мировой войны Фалькенгайн остался на посту прусского военного министра. Уже 5 августа, после того как выявились три катастрофических провала германской довоенной дипломатии – отказ Бельгии пропустить германские войска, нейтралитет Италии и вступление в войну Великобритании – Эрих фон Фалькенгайн пророчески заявил: «Даже

---

[11] См.: *Деметр К.* Германский офицерский корпус в обществе и государстве 1650–1945. М., 2007. С. 351–353.

[12] См.: *Куль Г.* Германский генеральный штаб. М., 1922. С. 124. Х. Хервиг прямо указывает, что германское согласие на эскалацию Июльского кризиса было решено кайзером и 4 его соратниками: Бетман-Гольвегом, Циммерманом, Фалькенгайном и Морицем фон Люнкером. См.: *Hamilton R. F., Herwig H. H.* Decisions for war 1914–1917. Cambridge, 2004. P. 83–85.

если в результате этого мы пойдем на дно, все равно это было красиво».[13] На фоне оптимизма, царившего в армейских кругах, относительно перспектив скоротечной победоносной войны с Францией и Россией (британские экспедиционные силы у немцев вообще не принято было учитывать всерьез), эта оценка ситуации свидетельствует о незаурядном умении трезво оценивать и свои силы, и силы противника.

Исполнительность, профессионализм, настойчивость и безукоризненная иерархическая этика достаточно быстро обеспечили Фалькенгайну доверие и уважение со стороны кайзера Вильгельма II. В тяжелейшей, чреватой хаосом в управлении войсками ситуации сентября 1914 г. именно в своем военном министре кайзер увидел спасителя. Поражение германских войск в битве на Марне 5–12 сентября означало крушение многолетних трудов и расчетов на вывод из войны Франции, к чему германские генштабисты не были готовы. И без того склонный к пессимизму глава Генштаба Мольтке-младший был совершенно надломлен этой неудачей и потому не мог исполнять свои обязанности. В лихорадочной растерянности Вильгельм II предложил пост временно исполняющего обязанности главы Генерального штаба 53-хлетнему военному министру, и тот согласился, став главой 2-го верховного главнокомандования (ОХЛ) (сентябрь 1914 – август 1916 гг.).

Признать на весь мир факт стратегического поражения на Марне, подчеркнув его громкими отставками, германское командование не могло, поэтому было принято решение официально оставить за Мольтке его пост, а назначение Фалькенгайна не афишировать. Тем не менее, Э. фон Фалькенгайн быстро дал понять, что в советах своего предшественника не нуждается, а все попытки Мольтке-младшего осенью 1914 г. вернуть себе влияние и пост главы Генштаба окончились неудачей.[14] 3 ноября 1914 г. Фалькенгайн официально стал исполняющим обязанности начальника Полевого Генерального штаба при сохранении своего министерского поста, и двусмысленное положение до некоторой степени было ликвидировано. Совмещение руководства военным министерством и Генеральным штабом нарушало германскую традицию и во многом противоречило сложившейся структуре взаимоотношений разных частей германской военной элиты. Немедленно сложилась тяжелая ситуация с субординацией, поскольку командиры некоторых корпусов и армий были старше Фалькенгайна, выше по званию и психологически трудно привыкали к подчинению такому начальнику.

Фалькенгайн, не взирая на трудности, сразу же включился в работу по подведению максимально приемлемого итога первой фазы войны на Западе, что привело к «бегу к морю» в сентябре-ноябре 1914 г. Результаты его теперь принято оценивать как неудовлетворительные для Германии, однако на фоне растерянности командиров и крайней усталости войск после отступления немцев за р. Эна, чреватой общим отходом германских армий с занятых территорий, достигнуто было не так уж и мало. Германские войска удержали за собой почти всю территорию Бельгии,[15] существенную и промышленно развитую часть Северной Франции, не уступив сколько-нибудь значимого куска германской территории. Абсолютная непредвиденность затяжной позиционной войны, катастрофическая дипломатическая ситуация и тяжелое стратегическое положение заставили Фалькенгайна с нуля вырабатывать «большую стратегию» Великой войны, определять цели Германии и желаемые условия мира, решать принципиальную дилемму о главном фронте и приоритете подкреплений. 18 ноября 1914 г. он сформулировал свое видение выхода из бесперспективной ситуации войны с превосходящими силами противника на двух фронтах: антантовская коалиция должна быть расколота, а для этого – обязательный сепаратный мир, который желательно заключить с Россией на компромиссных

[13] *Hamilton R. F., Herwig H. H.* Op. cit. P. 71.

[14] *Герлиц В.* Указ. соч. С. 161–162, 166–167.

[15] Остановить германское наступление удалось, лишь взорвав дамбы на реке Изер.

условиях.[16] За эту позицию Фалькенгайна упрекали в русофильстве,[17] в то время как многие политические и военные деятели Германии были русо- и славянофобами.

С первых же дней пребывания Фалькенгайна на высшем посту в германских вооруженных силах (роль главнокомандующего – кайзера – неуклонно становилась номинальной) все сильнее давала себя знать растущая популярность героев востока, творцов широко распропагандированной победы при Танненберге Людендорфа и Гинденбурга. Пользуясь своим огромным влиянием на германскую общественность и придворные круги, они попытались с ходу перехватить управление германскими армиями у непопулярного и временного исполняющего обязанности главы ОХЛ военного министра. Однако Фалькенгайн, будучи беспристрастным аналитиком, успехи на востоке оценивал как не имеющие серьезных стратегических последствий. Главным фронтом он полагал Западный, а потому не желал тратить резервы на бесполезные, хотя и эффектные наступления против русской армии. Между Гинденбургом и Фалькенгайном завязалась оживленная переписка, в которой они с трудом удерживались в рамках традиционной этики, следовали взаимные обвинения в зависти.[18] Неразрешимое противоречие между ними было в том, что первый был склонен к большим замыслам на основе убеждений, а не расчетов, а второй всегда предпочитал «синицу в руках» и преследовал ограниченные, но достижимые цели. Конфликт подогревался и личной неприязнью, вызванной особенностями характеров полководцев. Людендорф был слишком груб и несдержан, Гинденбург неуместно демонстрировал несоразмерное своему вкладу в победы на востоке «величие», Фалькенгайн отличался самоуверенностью и не желал кого бы то ни было посвящать в свои замыслы и тем более обсуждать их с подчиненными и союзниками.

Уже в середине ноября 1914 г. неприязнь между Людендорфом, подстрекавшим Гинденбурга к прямому неповиновению главе Генштаба и интригам, и Фалькенгайном дошла до крайней степени. Ведя отчаянное сражение за Ипр, пытаясь в финале «Бега к морю» все же выйти к Ла-Маншу, Фалькенгайн с крайним раздражением относился к бесконечным требованиям подкреплений с востока,[19] где Гинденбург и Людендорф, почти не поставив главнокомандование в известность, начали Лодзинскую операцию. Из-за дробления резервов, лучших «молодых корпусов» германской армии, Ипр не был взят, маневренный период войны на западе завершился, а на востоке авантюрное увлечение маневром охвата[20] едва не стоило германским войскам реванша за разгром армии Самсонова.

В ходе конфликта полководцев была ощутимо и необратимо нарушена этика взаимоотношений не только внутри армейской иерархии,[21] но и между императором и его подчиненными, пусть даже самого высокого ранга. Обычными стали недопустимые и невозможные ранее замаскированные ультиматумы кайзеру с требованием отставки Фалькенгайна и давление целой коалиции государственных и военных деятелей с целью изменить расстановку сил. Фалькенгайн никогда себе гневных тирад и угроз в адрес Вильгельма не позволял. Именно поэтому кайзер упрямо держался за него, негодуя по поводу давления общественности на монаршую волю.

---

[16] См., подр.: *Ферстер Г., Гельмерт Г., Отто Г., Шниттер Г.* Прусско-германский генеральный штаб. М., 1968. С. 465–469.

[17] Г. Аффлербах выдвигает предположение, что симпатии к России у Фалькенгайна были обусловлены семейными преданиями о наполеоновских войнах, где проявилось русско-прусское боевое братство. См.: *Afflerbach H.* Op. cit. P. 10–11.

[18] Об этапах развития конфликта см.: *Раушер В.* Гинденбург. Фельдмаршал и рейхспрезидент. М., 2003. С. 65–67. Гофман, например, пишет о зависти Фалькенгайна к Гинденбургу, как о широко известном факте. См.: *Гофман М.* Указ. соч. С. 107.

[19] Гофман последовательно перечисляет отказы Фалькенгайна в подкреплениях командованию на Востоке. См.: *Гофман М.* Указ. соч. С. 53, 55, 60, 64, 82.

[20] Фалькенгайн характеризовал Лодзинскую операцию как «смело задуманную, превосходно подготовленную, однако первые успехи ввели в заблуждение главнокомандование на Востоке». См.: *Фалькенгайн Э.* Указ. соч. С. 44.

[21] Гинденбург не подчинялся Фалькенгайну еще и потому, что был старше его по званию: 27 ноября 1914 г. он стал генерал-фельдмаршалом. Фалькенгайн этого звания так и не удостоился, оставшись генералом от инфатерии.

Фалькенгайн, вынужденный действовать в отчаянной ситуации, которой он был обязан чужой некомпетентности, постарался сделать все, чтобы взять управление вопросами, касающимися войны, на себя. Часто считается, что Фалькенгайн был скорее политиком, нежели военным и, в противоположность Э. Людендорфу, охотно занимался политическими делами. По-видимому, это не совсем верно, тем более что такая оценка утвердилась с легкой руки М. Бауэра, правой руки Людендорфа, который характеризовал главу 2-го ОХЛ так: «Трудоспособность Фалькенгайна была безгранична. Он схватывал легко, понимал живо, имел хорошую память и решал очень быстро. Но, недоставало ли ему прочных основ, или потому, что ему не хватало интуиции полководца, его решения часто оказывались половинчатыми… Это была необычная натура, которая могла бы дать блестящего государственного деятеля, дипломата или парламентария, но полководец в нем был представлен слабо».[22]

Э. Фалькенгайн по сравнению со своими конкурентами был в невоенной сфере более склонен к компромиссам, а не к прямому диктату. Огромная работа по сохранению хрупкой видимости конституционного порядка поглощала у него много времени, однако иной возможности глава 2-го ОХЛ для себя не видел. Для Бетман-Гольвега, который жаждал сохранить огромные полномочия канцлера, доставшиеся главе кабинета со времен Бисмарка, и вовсе не желал перераспределения власти, всякая возможность вмешательства военных в политику была неприемлема. До канцлера доходили слухи о возможном смещении с поста в пользу Фалькенгайна, который в свою очередь уступил бы свое место Людендорфу.[23] Бетман быстро вступил в контакт с Гинденбургом, и против Фалькенгайна начала образовываться коалиция недоброжелателей, включавшая поначалу и Мольтке-младшего, который под давлением канцлера стал первой кандидатурой на место главы ОХЛ.[24]

Особенно острой была ситуация января 1915 г., когда кайзер в ярости пригрозил отдать Гинденбурга и крайне несдержанного Людендорфа под суд.[25] Вильгельм II не только принял в конфликте сторону главы ОХЛ вопреки мнению канцлера, кронпринца и супруги, но и 20 января 1915 г. произвел Фалькенгайна в генералы от инфантерии, освободил от министерского поста и окончательно утвердил на посту главы Полевого Генерального штаба. Гинденбург и Людендорф довольствовались тем, что попытка их разлучить назначением последнего начальником штаба Южной армии окончилась неудачей, и они до конца октября 1918 г. уже не расставались.[26] Выиграв первый раунд борьбы за высшую военную власть, Фалькенгайн столкнулся с необходимостью совместить реалии тотальной войны и ее требования не только к военному, но и к экономическому механизму страны и стремление сохранить хрупкий конституционный баланс властей в империи. Достаточно быстро Фалькенгайн вступил в дискуссии, а затем и в постоянные склоки с канцлером Бетман-Гольвегом, что почти «парализовало»[27] деятельность германского главнокомандования, по крайней мере внутриполитическую. Кайзер буквально разрывался между двумя своими фаворитами, и весной 1915 г. канцлер понял, что сместить Фалькенгайна пока не удастся. Тем не менее, он продолжал поддерживать контакты с Оберостом (главнокомандованием на востоке), ожидая удобного случая. С каждым месяцем войны, с публикацией новых документов и продолжением полемики в политических и дипломатиче-

---

[22] *Bauer M.* Der Große Krieg in Feld und Heimat. Tübingen, 1922. S. 323.

[23] См.: *Эггерт З. К.* Борьба классов и партий в Германии в годы Первой мировой войны. М., 1957. С. 307; *Макдоно Д.* Вильгельм Неистовый. Последний кайзер. М., 2005. С. 571.

[24] *Раушер В.* Указ. соч. С. 69–70, 72–73.

[25] См.: *Раушер В.* Указ. соч. С. 71–74; *Cecil L.* Wilhelm II. Vol. 2. Empreror and the Exile 1900–1941. Chapel Hill, L., 1996. P. 224.

[26] Считается, что имела место сделка между Фалькенгайном и Гинденбургом. См., напр.: *Киган Д.* Первая мировая война. М., 2004. С. 238–240.

[27] Так последствия конфликта оценивает Р. Фоли. См.: *Foley R. T.* Op. cit. P. 109.

ских кругах о ходе Июльского кризиса становилась все отчетливее картина катастрофических промахов во внешней политике и ошибок в расчетах канцлера.

После шумно отпразднованной победы войск Гинденбурга в битве в Мазурских озерах в феврале 1915 г. кайзер попытался примирить генералов, раздавая им награды и внеочередные звания, однако это только обострило вопрос об истинных творцах победы. Награжденный высшим прусским военным орденом Pour le Merite, Фалькенгайн точно знал, что победа одержана лишь в той мере, которую он считал достаточной. Получившие для своей операции 4 корпуса вместо 12-ти Гинденбург и Людендорф были чрезвычайно недовольны. Весной 1915 г. Фалькенгайн совместно со своим австро-венгерским коллегой Конрадом фон Гетцендорфом приступил к планированию прорыва русских позиций в Галиции, одновременно отвергая настойчивые требования резервов со стороны Гинденбурга и Людендорфа, которые были одержимы идеей глубокого флангового удара, чтобы охватить все русские армии в Польше. Вопрос об авторстве замысла Горлицкого прорыва остается открытым. И Фалькенгайн, и Конрад приписывали его себе, однако одно несомненно: прорыв 2 мая 1915 г. был полностью спланирован и организован Фалькенгайном, который обеспечил нужное количество германских войск, перебросив войска образованной 11-й армии на восток, и предоставил необходимые технические средства и полномочия ее командующему.[28] Лавры исполнителей блестящего замысла получили Макензен и (менее заметно) его начальник штаба фон Сект.

По выражению Б. Лиддел-Гарта, истинная история кампании 1915 г. на востоке – это история борьбы между Фалькенгайном и Людендорфом, первый из которых победил благодаря служебному положению.[29] Окончательное отражение русской угрозы границам Германии было целиком заслугой Фалькенгайна, за победами которого с бессильной завистью и скепсисом наблюдал лишенный командования над всеми армиями, кроме северной группы, Гинденбург. На фоне освобождения Перемышля, Львова, взятия Варшавы и триумфа Новогеоргиевска наступление Гинденбурга в Курляндии выглядело незначительным, а штабные офицеры Фалькенгайна и вовсе рассматривали его как «бесполезную, отвлекающую резервы прогулку». Неоднократные предложения Людендорфа с планом развития операции вглубь Литвы, не дожидаясь окончания боев за овладение «польским балконом», Фалькенгайн отклонял.[30] Полностью самостоятельная попытка Гинденбурга в сентябре 1915 г. авантюрно развить инерцию летнего наступления австро-германцев с помощью очередного, стандартного по форме «косого прорыва» под Свенцянами закончилась неудачей, хотя и закрепила за немцами важный экономически, политически и инфраструктурно район Вильно – Ковно. Под командованием Гинденбурга германские войска сражались очень хорошо, зачастую – геройски, однако это было не заслугой военачальника, а, скорее, его единственным спасением от регулярных провалов. Тем не менее, для репутации в глазах германской общественности, и особенно для парламентской оппозиции, подвиги немецких войск в рискованных ситуациях и широта замыслов при отсутствии для оптимизма минимальных оснований были более привлекательны, чем трезвый сухой расчет на «синицу в руках» и неуклонное медлительное решение задачи по обеспечению безопасности территории Рейха. Ненависть и зависть к Фалькенгайну со стороны командования на востоке усилилась, дойдя до открытого неповиновения приказам.[31] Истинный герой

---

[28] *Герлиц В.* Указ. соч. С. 169; *Раушер В.* Указ. соч. С. 79–80. См. подробно: *Келлерман Г.* Прорыв 11-й германской армии у Горлице 2–5 мая 1915 г. // Война и революция. 1934. № 2 // www.grwar.ru.

[29] *Лиддел-Гарт Б.* Стратегия непрямых действий. М., 1999. С. 202.

[30] М. Гофман на основании того, что впоследствии Ковно и Вильно были все-таки взяты немцами, впоследствии утверждал, что эти проекты были более верными, чем предпринятые Фалькенгайном операции. Это выглядит бесспорным только задним числом. На роль решающего «упущения» такой отказ от плана операций не подходит тем более. См.: *Гофман М.* Указ. соч. С. 88–89, 96–97.

[31] *Раушер В.* Указ. соч. С. 81–82, 86–88. Фалькенгайн приводит фрагменты переписки между ним и Гинденбургом лета – осени 1915 г., где показывает грубое нарушение субординации. См.: *Фалькенгайн Э.* Указ. соч. С. 121–125, 129–131, 136–139.

кампании 1915 г. был совершенно неадекватно оценен всеми, кроме его покровителя, кайзера Вильгельма II.

Фалькенгайн не смог пожать лавры за чрезвычайно успешную кампанию 1915 г., так как всегда старался соответствовать девизу графа Шлиффена «более быть, чем казаться». В то время, как Гинденбургу в немецких городах стали устанавливать деревянные статуи, Фалькенгайн не гнался за популярностью. Многие триумфы германского оружия, последовавшие благодаря спланированным и организованным Фалькенгайном операциям, были приписаны кому угодно, но не ему. При этом, знаменитая бойня у Лангемарка в ноябре 1914 г., так называемый Kindermord («убийство детей»), когда цвет германского студенчества и молодежи погиб в самоубийственной смелости атаках на британские позиции, ассоциировалась с начальником Генштаба. Затем, в сочетании с Верденом, это привело к тому, что имя Фалькенгайн стало синонимом бесполезной бойни. Д. Киган описывал трагедию главы ОХЛ так: «Несмотря на достоинства его личности и интеллект, представительность, честность, решительность, самоуверенность, доходящую до надменности, и доказанность его способностей в качестве штабного офицера и военного министра, он пострадал от того, что общественное мнение связывало его имя скорее с поражением, чем с победой».[32]

Особенностью Фалькенгайна по сравнению с его преемниками на посту главы ОХЛ было то, что он упорно стремился сохранить видимость нормальной жизни в Германии, не прибегал к резким мобилизационным мерам, громким воззваниям и чрезвычайным социально-экономическим мерам. Его шаги в милитаризации экономики и решении сырьевой и кадровой проблемы были достаточно последовательными и умеренными. Возможно, он полагал, что исключительные решения не нужны ввиду качественного превосходства германской армии. Любые действия, которые могли привести широкие массы к осознанию глубины надвигающейся катастрофы, Фалькенгайн запрещал. Кроме того, в конце 1915 г. он наделся, что разгром русской армии, Сербии, вступление в войну Болгарии до некоторой степени уравновешивают критическое положение Центральных держав. В своем докладе кайзеру в начале 1916 г. он утверждал, что после «Великого отступления» русская армия не способна к серьезным наступательным действиям, и даже верно указывал причины падения боеспособности, хотя и опережал реальные события примерно на год.[33] Наступление Западного фронта русской армии на озере Нарочь в марте 1916 г. и последующая искусная германская контратака, казалось, полностью подтвердили выводы и надежды Фалькенгайна.

В начале 1916 г. в германских верхах разгорелся жаркий спор по вопросу об объявлении неограниченной подводной войны. Горячий сторонник беспощадного истребления английского торгового флота адмирал фон Тирпиц столкнулся с ожесточенным сопротивлением канцлера, который опасался вступления из-за этого в войну Америки. С ним был согласен незадолго до этого высланный из США офицер Генштаба фон Папен. Свое мнение он изложил Фалькенгайну, который склонялся к поддержке Тирпица. Фалькенгайн – «чрезвычайно умный человек», предложил фон Папену лично повторить свои аргументы кайзеру, несмотря на то, что они противоречили его позиции. Папен был смущен тем, что ему предлагается открыто противоречить своему непосредственному начальству, однако Фалькенгайн ответил ему: «Едем, вы можете говорить императору все, что сочтете необходимым».[34] Спустя полтора года, когда предсказания Папена сбылись, США вступили в войну, Фалькенгайн признал свою ошибку, пригласив не согласившегося с ним офицера стать начальником оперативного отдела своего штаба в Месопотамии.[35]

---

[32] *Киган Д.* Указ. соч. С. 361.

[33] *Фалькенгайн Э.* Верховное командование 1914–1916 гг. в его важнейших решениях. М., 1923. С. 142, 177–179, 187, 199.

[34] *Папен Ф. фон.* Указ. соч. С. 65–67.

[35] Там же. С. 69.

Кампания 1916 г. по замыслу верховного главнокомандования должна была добить Францию, по выражению Фалькенгайна «лучший меч Англии на континенте». Для этого предполагалось в ходе мощного натиска овладеть Верденским укрепленным районом, рассечь фронт Антанты и добиться решительной победы. 21 февраля 1916 г. битва за Верден началась. Несмотря на ряд успехов, уже к концу весны надежды на взятие Вердена иссякли, однако Фалькенгайн не желал отказываться от своего замысла, считая что стратегический смысл операции – истощение резервов противника – сохраняется в ходе боев на «маасской мельнице». Затянувшийся штурм Вердена подорвал дух германских войск, и наоборот, воодушевил французов. Фалькенгайн и после войны был по-прежнему убежден в правильности Верденской операции в принципе и в оправданности ее затягивания. Он так и не вышел за рамки своего видения войны, утверждая, что потери под Верденом относились как 5:2,25, хотя на самом деле, как 1,1:1.[36] Поддерживал Фалькенгайна в этом мнении только кронпринц Вильгельм, так как именно его армия находилась на острие главного удара.[37]

Самая крупная по масштабам операция Фалькенгайна велась в рамках той же осторожной стратегии на истощение тогда, когда психологический эффект от мощи и профессионализма германской пехоты уже сошел на нет и не мог стать дополнительным фактором победы. Первоначально из-за внезапности атак[38] для немцев операция проходила успешно, однако грамотная переброска резервов французами уже к концу марта 1916 г. заставила германское командование отказаться от планов быстрого захвата крепости. К серьезному удивлению и тревоге ОХЛ, на востоке в конце марта 1916 г. русские армии перешли в наступление у озера Нарочь. Оно практически не дало результатов, однако заставило немцев серьезно побеспокоиться, так как резервов на Востоке не имелось, а прорыв фронта на севере означал для Германии потерю Прибалтики. Тем не менее из-за того, что Верден поглощал все резервы, требования Людендорфа предоставить резервы для наступления под Ригой Фалькенгайн отверг.[39]

К лету 1916 г. отсутствие масштабных побед Германии привело к цепи событий, заставивших даже кайзера, опасавшегося дуумвирата Гинденбург – Людендорф, отказаться от столь долго отстаиваемого соратника. Долго планируемая интрига против главы Генштаба началась с вопроса о перераспределении командных постов и властных полномочий на востоке в июне 1916 г.[40] По мере нарастания эффекта от операции русского Юго-Западного фронта необходимость оптимизации управления войсками и ресурсами союзников по Четверному альянсу становилась все более очевидной. Реформа структуры фронта на востоке могла хоть как-то замаскировать абсолютное бессилие Германии перебросить на помощь австрийцам достаточное количество резервов, которых попросту не было. В конце июня 1916 г. Гинденбург все-таки получил под свое командование значительно больше войск, чем планировал Фалькенгайн,[41] однако уже через несколько дней начавшееся на Сомме стратегическое наступление Антанты поставило вопрос о более серьезном пересмотре ситуации, сложившейся в управлении германскими войсками.

На фоне явного крушения прежней иллюзии о незыблемости фронта на востоке и истощении противника на западе, казавшаяся безобидной инициатива улучшения взаимодействия

---

[36] *Фалькенгайн Э.* Указ. соч. С. 217, 254–263; Handbuch der Preussischen Geschichte / hrsg. von *W. Neugebauer*. Berlin; N. Y., 2001. S. 475.

[37] *Кронпринц Вильгельм.* Записки германского кронпринца. М.; Пг., 1923. С. 167–169.

[38] Вообще, о готовящейся операции против Верденского укрепленного района французы узнали заранее, однако предположить, что она будет столь большого масштаба, не могли. См.: *Киган Д.* Указ. соч. С. 353–354; История первой мировой войны: В 2 т. М., 1975. Т. 2. С. 155; *Пуанкаре Р.* На службе Франции: В 2 т. М., Мн., 2002. Т. 2. С. 312–315.

[39] *Гофман М.* Указ. соч. С. 110–111.

[40] Подр. о реструктуризации германских армий Восточного фронта см.: *Cron H., Duncan R.* Imperial German Army 1914–1918. B., 1937. P. 54–55; *Раушер В.* Указ. соч. С. 93–97.

[41] *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918. М.; Мн., 2005. С. 225–227.

войск и командования на востоке, привела к отставке Фалькенгайна с поста начальника Генштаба в конце августа 1916 г., при том что неудачи немцев носили объективный характер – превосходство войск Антанты над немцами и армий Брусилова над австрийцами было безусловным. К этому моменту от него отвернулись даже его сторонники: начальник оперативного отдела Таппен, презиравший обоих «героев Танненберга», и военный министр Вильд фон Хоенборн. Тщетно Фалькенгайн прямо заявлял кайзеру, что если он согласится на Гинденбурга и Людендорфа, то «перестанет быть императором».[42] Теперь окружение императора было уверено, что достойный мир, который устроит население Германии, можно будет заключить только с фельдмаршалом Гинденбургом во главе вооруженных сил.

Общее крушение стратегических замыслов было отмечено знаковыми для краха последних надежд германской дипломатии, событиями: 27 августа 1916 г. в войну против Австро-Венгрии вступила Румыния, а 28 августа, после почти 1,5 лет недоразумений, Италия, наконец, объявила войну Германии,[43] прекратив с ней взаимовыгодную торговлю оружием и стратегическими материалами. 29 августа 1916 г. Фалькенгайн подал кайзеру прошение об отставке, которое, по совету канцлера, было принято. Кайзер даже прослезился по поводу утраты старого соратника,[44] однако противостоять давлению больше не мог. Триумфаторы Гинденбург и Людендорф были уже на пути в Ставку.[45] В Германии начиналась новая эпоха, эпоха военной диктатуры. Вслед Фалькенгайну раздавалась ожесточенная и безапелляционная критика, хотя к концу августа 1916 г. наиболее опасная стадия стратегического наступления Антанты уже миновала.[46]

После того как нелюбимый ни армией,[47] ни населением стратег был лишен своего поста, до конца войны он успел поучаствовать в операциях в Румынии,[48] на Ближнем Востоке и в Белоруссии. В Германии вступление в войну Румынии, несмотря на неопытность румынской армии и недостаточность ее оснащения, воспринимали с большой тревогой. Казалось, что Австро-Венгрия, армия которой была окончательно надломлена Брусиловским прорывом, не выдержит еще одного, даже не особенно сильного врага. Фалькенгайн получил командование 9-й армией, срочно развертывавшейся в Трансильвании из остатков германских резервов, для того чтобы остановить неизбежное румынское вторжение на территорию, ради которой Румыния и вступила в войну. Бывший глава ОХЛ давно учитывал подобное развитие событий, поэтому заранее спланировал возможные контрудары, предложив еще зимой 1915–1916 гг. нанести превентивный удар по неотмобилизованной румынской армии.[49] В конце сентября 1916 г. плохо продуманное и еще хуже организованное вторжение румын было остановлено войсками Фалькенгайна и подчиненной ему 1-й австрийской армии. К середине октября румыны были отброшены к границе, началась борьба за перевалы в Трансильванских Альпах. Методично громя румынские дивизии, Фалькенгайн отвлекал силы противника из Добруджи

---

[42] См.: *Janßen K.-H.* Der Kanzler und der General: Die Führungskrise um Bethmann-Hollweg und Falkenhayn, 1914–1916. Göttingen, 1967. S. 235.

[43] При этом почти сразу с момента вступления Италии в войну (23 мая 1915 г.) немецкие советники, а затем и подразделения начали оказывать помощь Австро-Венгрии на Альпийском фронте.

[44] *Макдоно Д.* Указ. соч. С. 598.

[45] Оба они в своих мемуарах делают вид, что назначение главами Генштаба стало для них едва ли не полной неожиданностью. См.: *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 236; *Hindenburg P.* Op. cit. S. 147–149; *Раушер В.* Указ. соч. С. 104.

[46] М. Гофман: «Капитал, состоявший из храброго войска и народного воодушевления, генерал Фалькенгайн растратил за два года своего командования, не достигнув никакого успеха». *Гофман М.* Указ. соч. С. 130.

[47] Военная элита отнеслась к отставке Фалькенгайна как к давно назревшему решению. Командир 3-й армии и бывший военный министр К. фон Эйнем писал, что Фалькенгайну не хватало «интуитивной способности к лидерству». См.: *Hull I. V.* Military Culture, Wilhelm II and the end of Monarchy in the First World War // *Deist W., Mombauer A.* The Kaiser: New Research on Wilhelm II's role in Imperial Germany. Cambridge, 2003. P. 248.

[48] Людендорф издевательски писал, что в Румынии Фалькенгайну представился удобный случай «проявить на пользу Отечества свои способности военачальника». См.: *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 276.

[49] *Фалькенгайн Э.* Указ. соч. С. 190–191, 255–257.

и от переправ через Дунай. Отбив отчаянный контрудар румынской армии в ноябре, 9-я армия предоставила войскам А. Макензена возможность триумфально войти в Бухарест 4 декабря. К концу декабря русско-румынские войска остановили продвижение австро-германцев, за которыми осталась вся Валахия. Разгром Румынии был достигнут за 4 месяца боев, известие о взятии Бухареста вызвало в Германии ликование и стало одним из поводов для обращения с мирным предложением 12 декабря 1916 г., так как очередная эффектная победа должна была по мысли немецких политиков окончательно убедить страны Антанты в непобедимости Германии. До конца апреля 1917 г. Фалькенгайн командовал 9-й армией, периодически предпринимая атаки местного значения для улучшения положения германских войск. Авторитет его после победы над Румынией несколько поднялся.

В июле 1917 г. Фалькенгайн получил назначение на ближневосточный ТВД, возглавив группу армий F («Йилдырым»). В турецкой армии 9 июля 1917 г. ему был присвоен чин генерал-фельдмаршала. Младотурецкое правительство настаивало на отвоевании Багдада у англичан, захвативших его в марте 1917 г. Однако германские специалисты были больше озабочены ситуацией в Палестине, справедливо полагая, что большой военной ценности Багдад не представляет, а состояние транспортной инфраструктуры в Месопотамии не позволяет надеяться на успех в ближайшем будущем. Э. Фалькенгайн несколько раз вступал в ожесточенные споры с турецкими генералами, добившись удаления Мустафы Кемаля (будущего Ататюрка) и морского министра Джевада-паши, однако от сопротивления и недовольства со стороны союзников так и не избавился. При всем своем уме он был «достаточно упрям и эгоистичен», к тому же хотел, чтобы престиж победы достался только ему, «а потому о разделении полномочий не могло быть и речи».[50] Дополнительное раздражение турецкой стороны он вызывал решительным противодействием попыткам еврейских погромов в Палестине.[51] Наступление британских войск осенью 1917 г. стоило германо-турецким войскам Газы, Яффы и Иерусалима, а Багдад, несмотря на прекращение активности русского корпуса Баратова, вернуть так и не попытались. После поисков виновника неудачи германское главнокомандование, заинтересованное в сохранении хороших отношений с Турцией, «назначило» таковым Фалькенгайна и заменило его на имеющего удачный опыт работы с турками Лимана фон Сандерса.

5 марта 1918 г. Фалькенгайн прибыл в 10-ю армию, которую возглавил по приказу кайзера от 25 февраля. К моменту его прибытия войска армии наступали в Белоруссии фронтом в 400 километров, обеспечивая выполнение условий Брестского мира. Под командованием у Фалькенгайна оказались второсортные и редеющие части (6 ландштурмистских дивизий),[52] из которых вскоре забрали весь личный состав моложе 35 лет. Противником стали разрозненные и деморализованные большевистские отряды, остатки национальных частей разложившейся русской армии, а затем партизаны. Казалось, Гинденбург и Людендорф этим назначением издевательски указывают своему сопернику где и как надо было одерживать решающие победы. Его непосредственным начальником стал генерал Гофман, правая рука Людендорфа на Востоке и последовательный недруг Фалькенгайна, которому он не собирался доверять какие-либо серьезные поручения. Фалькенгайн полагал свое назначение сродни должности «командира округа».[53]

Тот факт, что ни талант, ни опыт Фалькенгайна не будут использованы в грядущем решающем наступлении немцев на Западном фронте, приоритет которого он так долго отстаивал, последний мог воспринимать только как оскорбление. Однако Э. фон Фалькенгайн не подал в отставку и не искал более почетных должностей, а продолжал служить кайзеру и Отечеству

[50] *Папен Ф. фон.* Указ. соч. С. 76.

[51] См.: *Afflerbach H.* Op. cit. S. 483–485.

[52] Ibid. S. 487–488.

[53] Ibid. S. 487.

куда бы его ни забросила судьба, с прежней энергией и профессионализмом защищая интересы Германской империи. В наступлении весны 1918 г. его войска захватили множество пленных и большие запасы военного имущества. На контролируемой германскими войсками территории Фалькенгайн восстановил и жестко поддерживал элементарный порядок, опираясь на довоенные модели устройства местной администрации. Осенью 1918 г., после того как поражение Германии в Великой войне стало очевидно, Фалькенгайн направил кайзеру письмо с предложением вернуть его на пост главы ОХЛ, а вместо парламентаризации правительства назначить военного диктатора, которым должен был стать генерал Фалькенгаузен.[54] Однако эти рекомендации запоздали, а затем и сам Фалькенгайн столкнулся с началом процесса быстрого разложения частей германской армии на востоке. Из-за угрозы большевизации войск, сопровождаемой эксцессами в отношении офицерства, зимой 1918–1919 гг. германские войска стали отводиться на Запад. Фалькенгайн не собирался налаживать отношения с образованными солдатскими советами, даже последний его приказ по армии в январе 1919 г. содержал резкие нападки на все завоевания Ноябрьской революции.

Ликвидация старой кайзеровской армии, мучительные процессы демобилизации миллионов солдат и офицеров и образования рейхсвера Веймарской республики не оставляли выбора для образцового прусского офицера. Э. фон Фалькенгайн не собирался искать в революционном вихре второго шанса возглавить вооруженные силы Германии. Его здоровье было подорвано. Еще в начале 1918 г. у него стали проявляться признаки астмы и катара верхних дыхательных путей,[55] так как генерал плохо перенес резкую смену климата, после палестинской жары – в снега Белоруссии…

После того, как вверенные ему войска закончили эвакуацию на родину, 28 февраля 1919 г. он был переведен в резерв, а 5 июля того же года после подписания Версальского мира и начала ликвидации германского Генерального штаба Фалькенгайн вышел в отставку. Уединившись, остаток своей жизни бывший глава ОХЛ посвятил написанию мемуаров и работ по истории Первой мировой войны, которые стали публиковаться уже в 1919–1920 гг.

В отличие от многих сослуживцев и соперников из-за подорванного здоровья отставному генералу не довелось увидеть крах Веймарской республики и становление Третьего рейха. Эрих фон Фалькенгайн скончался 8 апреля 1922 г. в Линдштедте, близ Потсдама, на 61-м году жизни.

Л. В. Ланник

[54] Ibid. S. 489.

[55] *Afflerbach H.* Op. cit. S. 490.

Предисловие к русскому переводу

Генерал Эрих фон Фалькенгайн, главный труд которого («Die Oberste Heeresleitung 1914–1916 in ihren wichtigsten Entschließungen») вышел в августе 1919 г. и теперь предлагается вниманию читателя в русском переводе, являет собою очень интересную и самобытную фигуру среди довольно однообразной галереи немецких военных деятелей. Вот как характеризует его в своем труде «Der Grosse Krieg in Feld und Heimat»[56] полк овник Бауэр, мнение которого, как горячего «людендорфовца»,[57] очень ценно своей обстоятельностью и отсутствием панегириков: «Трудоспособность Фалькенгайна была безгранична. Он схватывал легко, понимал живо, имел хорошую память и решал очень быстро. Но недоставало ли ему прочных основ, или потому, что ему не хватало интуиции полководца, его решения часто оказывались половинчатыми, и даже в этих он колебался. В остальном он был очень ловок и умел взять людей в руки и использовать их так, что они сами этого не замечали. В личных сношениях он был неизменно любезен, но часто холоден и в большинстве случаев насмешлив. В конце концов, это была необычная натура, которая могла бы дать блестящего государственного деятеля, дипломата или парламентария, но полководец в нем был представлен наиболее слабо».

В том же духе, но короче характеризует его Новак,[58] упоминая, что Фалькенгайн не представлял собою тип прусского юнкерства. Все в нем было «weltmännlich, klug und geschmeidig».[59]

В другом месте Бауэр, рисуя Фалькенгайна в обычной обстановке в Плессе, удивляется блеску его мысли, остроте суждения и находчивости. Тут же он оговаривается фразой, что Вильгельм довольствовался ежедневным докладом Фалькенгайна о военной обстановке, в остальном последний решал военные дела самостоятельно – мысль, о которой в своей книге говорит и сам Фалькенгайн.

Наконец, подводя итог деятельности Фалькенгайна, к моменту ухода его с поста начальника Генерального штаба, Бауэр подвергает ее очень строгой, иногда явно несправедливой оценке, но все же заключает итог такою фразой: «в период деятельности Фалькенгайна были совершены «ошибки» и притом некоторые из них исходили от него лично. Однако кто не ошибается? Но, несмотря на это, нужно признать, что Фалькенгайн был человеком крупного масштаба (grosszügig). Если бы в рейхстаге и в правительстве мы располагали хотя бы только парой людей подобного типа, *война* никогда *не была бы*[60] проиграна».

Эта оценка со стороны молодого немецкого полковника, при всей своей беспомощной узости, очень характерна и является очевидным отголоском суждений группы Людендорфа, строевых кругов (Бауэр получал частые командировки на фронт) и, пожалуй, даже берлинских сфер. Фалькенгайн признавался, правда, с постоянной гримасой как нечто крупное, но упорно опорочивался как военный деятель. В этом сходилось большинство, и в этом опорочивании было много надуманного и злого, и разве только самый скромный кусок правды. Горе было в том, что Фалькенгайн был молод для своего поста, имел слишком густую массу завистников и недоброжелателей, был мало популярен в населении, а в своем военном миросозерцании был идейно слишком одинок. В результате его положение на посту начальника Генерального штаба

---

[56] *Bauer M.* Der Große Krieg in Feld und Heimat: Erinnerungen und Betrachtungen. 3. Aufl. Tübingen, 1922. S. 323. *(Здесь и далее – прим. ред., если не указано иное).*

[57] Впоследствии Людендорф и Бауэр все-таки не поделили славу, но Бауэр прожил слишком недолго (умер в 1929 г.), чтобы сполна разоблачить претензии Людендорфа на все достижения Великой войны.

[58] Знаменитый журналист, опубликовавший в ходе войны и после нее, порой гонясь за сенсациями, целый ряд важнейших свидетельств и интервью, а также двухтомное наследие генерала Гофмана, также частично переведенное на русский язык еще в 1920-е годы.

[59] Светским, умным и гибким (*нем.*).

[60] Курсив в подлиннике. *(Прим. пер.)*

в величайшую и сложнейшую из войн было исключительно сложным, нервным и поистине роковым.

14 сентября 1914 года вечером Фалькенгайну, тогдашнему военному министру в Люксембурге, был Вильгельмом предложен пост начальника Генерального штаба вместо серьезно больного Мольтке. Время было тревожное, штаб верховного командования находился в полной панике. Почему столь ответственный пост и в столь ответственную минуту был поручен молодому сравнительно генералу, хорошо известному в политических кругах, особенно левой стороне рейхстага, прочно и умело занимавшему свое министерское кресло, но почти неизвестному стране в целом, сказать трудно.[61] Это было неожиданностью для многих. Впрочем, практика назначения начальника Генерального штаба показывала, что оно всегда оставалось личным делом монарха, актом его не всегда ясных, но чисто индивидуальных соображений. Так был в свое время выбран и Мольтке-младший, «за усердные танцы на придворных балах», как разгадывали эту загадку злые языки, также своеобразно выбирались и другие.[62]

Принявши пост, Фалькенгайн продержался на нем два года без полумесяца: 29 августа 1916 года утром он был освобожден от своих обязанностей. Он ушел почти при такой же нервной обстановке в штабе, при какой он когда-то вступил в него: неожиданное выступление Румынии, разочарования, связанные с Верденом, тяжело давшаяся Соммская операция, в которой усматривали моральное поражение Германии… все эти факты, раздутые и муссированные, подготовили почву для давно желанных стратегических гостей… В Плессе появилась пара – Гинденбург и Людендорф, – с которой давно были связаны самые розовые ожидания. Фалькенгайн уступил победоносной паре свой тяжкий пост «без сожаления», как он говорил об этом, и ушел на скромную Трансильванскую операцию.[63] Завершив ее блестяще, он потом принял назначение в Малую Азию вместо умершего в Багдаде фон дер Гольца[64] и ушел подальше от шумливых и придирчивых полей Европы.

Время верховного руководства Фалькенгайна было глубоко интересно даже на богатом фоне мировой войны 1914–1918 гг. Теперь этот период предан временному забвению, и память главного актера (Фалькенгайн умер два года тому назад)[65] ныне редко тревожится мировой военной литературой. Другие моменты войны – 18-й год, первая Марна, – более наглядные и роковые по результатам, занимают умы людей. Но свой черед придет и для Фалькенгайна, и для его боевого периода. Макензеновский прорыв, «материальное сражение»[66] в Шампани, Сербский поход, Верденская операция, Брусиловский прорыв, Соммская операция… все эти

---

[61] Типично, что в своем труде Вильгельм, перебравши много лиц – генералов, адмиралов, дипломатов и т. п., – ни одним словом не обмолвился о Фалькенгайне, своем военном министре до войны и начальнике Генерального штаба в течение двух лет ее. См. Wilhelm II. Ereignisse und Gestalten 1878–1918. Leipzig und Berlin, 1922. S. 309. *(Прим. пер.).* Представляется, что объяснение этому можно найти сравнительно легко, причем исходя именно из особенностей характера последнего кайзера, на которые и указывает Снесарев. Подр. см. предисловие к современному изданию.

[62] Назначение Мольтке-младшего объясняется не его светскими успехами, а болезненным стремлением Вильгельма II превзойти достижения эпохи объединения Германии, а потому он увлекался громкими именами, заведя себя «собственного Мольтке», талантами своего дяди, конечно, не блиставшего и, что делает ему честь, прекрасно это осознававшего.

[63] Операция закончилась блестящей победой немногочисленных австро-германских войск, приведя к быстрому разгрому Румынии и взятию Бухареста уже 6 декабря 1916 г. Действия Фалькенгайна были высоко оценены даже его врагами, в том числе Людендорфом. Сам Фалькенгайн успел описать румынскую кампанию в отдельном труде.

[64] Имеется в виду генерал-фельдмаршал К. фон дер Гольц, один из авторитетнейших военных кайзеровской Германии, много сделавший для реорганизации турецкой армии. Он умер в апреле 1916 г. от болезни, совсем немного не дожив до сенсационной победы турецко-германских войск над англичанами, капитулировавшими в Кут-эль-Амаре 29 апреля 1916 г. Обстоятельства смерти фон дер Гольца до сих пор вызывают сомнения: по одной из версий он мог быть отравлен из-за своих особых стратегических взглядов и огромного влияния на младотурок. Снесарев несколько не точен, ведь Фалькенгайн отправился в Малую Азию более чем через 15 месяцев после смерти фон дер Гольца, хотя и примерно на такой же пост.

[65] Э. фон Фалькенгайн умер 8 апреля 1922 г., т. е. менее чем за полтора года до написания Снесаревым предисловия.

[66] Устоявшийся в военных, а затем научных кругах термин, обозначающий попытки прорыва вражеского фронта за счет превосходства в живой силе и технике, при учете неизбежности огромных потерь. Такой способ был особенно характерен в условиях позиционной войны на Западном фронте уже в 1915 г., яркими его примерами стали Верден, Сомма и Камбре.

столь крупные и содержательные этапы войны, отмеченные печатью своеобразного дарования Фалькенгайна, представят собою в свое время благодарные и неисчерпаемые задачи для научных взысканий и для художественного творчества…

К счастью для изучающих этот период, Фалькенгайн успел своей книгой «Die Oberste Heeresleitung» набросать общую стратегическую канву событий с нужными к ней пояснениями и историческими справками. Эту книгу можно с полным правом назвать «стратегической исповедью» автора. Он сам говорит, что его труд не представляет собой военной истории в обычном смысле слова, и военные события или другие факты приведены в нем лишь тогда, когда они могли обосновать приводимые решения верховного командования. Но вопреки этой скромной оценке содержания и объема своей работы автором, мы в ней должны видеть очень своеобразный, оригинальный и ценный труд, который придется поставить выше многих военных трудов, относящихся к мировой войне.

Труд Фалькенгайна как зеркало отражает его интересное, не всюду еще выравненное, но глубоко оригинальное и передовое военное миросозерцание. Автор на ниве военной мысли новатор, отсюда он одинок, как Руслан на поле, усеянном мертвыми костями. И хотя книга среди торжеств мысли и блестящих достижений расскажет нам и о многих неудачах, огорчениях и промахах, но этот спутанный и опошленный жизнью результат не закроет от глаз внимательного читателя яркости и размаха тех стратегических замыслов, которые лежали в основе операции.

Повторим еще раз. О периоде Фалькенгайна пока молчат, и его имя пока неясно и полно загадок. В военных кругах его военный лик затемнен былыми стараниями его завистников и недоброжелателей, а в его стране еще не редкость слышать такие суждения, что он был злым гением войны или что ему народ после Марны обязан наиболее тяжелыми кровавыми испытаниями – «Иперской детской бойней»[67] и «Верденским адом». Время скажет свое более веское слово.

А пока оставленная Фалькенгайном книга лучше всяких толков и пересудов расскажет о его стратегических замыслах, приведет его доводы и подведет на своих же страницах нужные итоги. Внимательно читающему ее она расскажет и правду о Фалькенгайне, и сложную правду о современной стратегии.

А. Снесарев
Москва, 1 августа 1923 г.

[67] Эпитет «детская» в данном случае достаточно спорный перевод. Скорее можно говорить о «бойне молодежи, юношества», в Германии традиционно называемой по месту трагедии Лангемарком. Там, в отчаянной попытке прорваться к Северном морю, пойдя в атаку с пением патриотических песен, в ноябре 1914 г. погиб цвет германской молодежи, отправившейся в армию добровольцами и брошенной в бой без достаточной подготовки, компенсировать которую энтузиазмом не удалось. Трагедия Лангемарка стала одной из самой болезненных для Германии вплоть до того, как все прочее заслонили Верден и Сталинград.

I. Смена начальника Генерального штаба

Вечером 14 сентября 1914 г. в Люксембурге его величество император и король поручил пост начальника Генерального штаба действующей армии тогдашнему военному министру генерал-лейтенанту фон Фалькенгайну вместо заболевшего генерал-полковника фон Мольтке.[68]

В первое время эта смена не была оглашена. Все же она произведена была в полном объеме всех дел, так что на генерала фон Фалькенгайна падает вся ответственность за верховное руководство военными действиями с этого дня и до его отставки, которая произошла утром 29 августа 1916 г.; до вышеуказанного времена он не имел ни непосредственного, ни косвенного влияния на руководство операциями.

Смена произошла в не совсем обычной форме по его собственному желанию. Казалось несвоевременным беспокоить население Германии, которое и без того было возбуждено событиями войны, а также дать этой сменой новое видимое доказательство правильности неприятельской пропаганды, прививавшей мысль о достигнутой победе на Марне, пока еще была какая-либо надежда на скорое улучшение здоровья генерала фон Мольтке, что дало бы ему возможность снова принимать участие в верховном командовании в той или иной форме. Такая надежда не оправдалась.

3 ноября 1914 г. пришлось опубликовать окончательное назначение генерал-лейтенанта фон Фалькенгайна на пост начальника Генерального штаба с оставлением его в должности военного министра.

Временное совместительство в последней должности было предложено самим генералом.

Такое совместительство было вызвано воспоминанием о безотрадных отношениях[69] между Военным министерством и Генеральным штабом в 1870–1871 годах, которые хотя и не были преданы всеобщей огласке, но фактически все же были налицо. Исполнение без задержек тех неслыханных требований, которые должны были быть предъявлены работоспособности Военного министерства в продолжение войны, что сказывалось даже и в этот начальный ее период, а также необходимость достичь дружной совместной работы без трений и в теснейшей связи с Генеральным штабом, все это делало крайне желательным единство управления до тех пор, пока ведомства не привыкли бы к совместной работе. Благодаря этому, главным образом, проведена была без задержки регулировка вопроса о снабжении сырыми материалами, предложенными военным министром сейчас же по объявлении войны, как и решенные одновременно формирования новых крупных войсковых соединений. Также проведены были без трений и ведомственных препирательств переорганизация и обширное развитие военного производства, вскоре потребованные новым начальником Генерального штаба.

В течение первых двух лет войны хорошие отношения, созданные таким образом между Генеральным штабом и Военным министерством, вообще не нарушались. В общем, они выдержали также все испытания и до самого конца войны. Излишне будет перечислять все те хорошие результаты, которые отсюда вытекли. Можно сказать, что временное совместительство должностей начальника Генерального штаба и военного министра в начале войны явилось одним из важнейших условий для достижения этого при наличии у противника безграничного перевеса в военных средствах.

---

[68] «Заболевший» генерал-полковник фон Мольтке был пока что тайно отстранен от руководства германскими операциями вследствие поражения на Марне и глубочайшей депрессии, к которой он был склонен и до войны, что самым роковым образом сказалось на ходе начальных операций германских армий.

[69] Трения были между всеми членами знаменитой тройки Бисмарк – Мольтке – Роон. Между первым двумя (не только между лицами, но и органами) см.: Bismarck, Gedanken und Erinnerungen. Bd. II. S. 94–98; между вторыми более глухую справку можно найти в Militärische Korrespondenz, т. III. *(Прим. пер.)*

Когда, по инициативе имперского канцлера Бетман-Гольвега, из-за вполне понятных соображений, связанных с конституцией, в январе 1915 г. произошло вновь разделение, совместная работа была настолько уже налажена, что она не подвергалась более никакому риску; да и личность нового военного министра генерал-лейтенанта Вильд фон Хоэнборна[70] служила залогом ее поддержания. Как бывший генерал-квартирмейстер новый министр был знаком с планами и намерениями своего предшественника и был в этом отношении единодушен с ним.

В связи с вышесказанным будет полезно, до рассмотрения самих событий, выяснить понятие «верховного командования» (Die Oberste Heeresleitung), а также вопрос об его отношениях к союзным командованиям.

Во время войны, на основании имперской конституции, командование всеми вооруженными силами Германии сосредоточивалось непосредственно в руках императора, в качестве главнокомандующего, а следовательно, ему принадлежало и командование не только действующей армией, но и всем тем, что вообще можно рассматривать как относящееся к армии, – а также и флотом. Таким образом, в его лице олицетворялось «верховное командование».

При исполнении функций Верховного главнокомандующего его органами являлись по отношению к сухопутной армии – начальник прусского Генерального штаба полевой армии, по отношению к морским силам – начальник общеимперского морского штаба, причем, как само собой разумеющееся, принималось за правило, что в вопросах, касающихся совместного ведения войны на море и на суше, мнение начальника Генерального штаба являлось решающим.

Для облегчения или, вернее, для осуществления планомерности работы император дал начальнику Генерального штаба право издавать от своего имени оперативные приказы. Благодаря этому и еще более благодаря историческому ходу событий последний оказывался настоящим носителем прав и обязанностей верховного командования, а также и единственным лицом, ответственным за его действия и ошибки.[71]

Разумелось само собой, что он постоянно осведомлял императора о событиях на фронте и испрашивал его указаний при важных решениях. Так велось дело без всяких исключений во все продолжение исполнения должности генералом Фалькенгайном. От Верховного главнокомандующего не было скрыто ни одно сколько-либо важное событие; точно так же не была принята ни одна решительная мера, которая не была бы ему предварительно представлена.

Круг ведения начальника Генерального штаба, как представителя Верховного главнокомандующего в верховном командовании, ограничивался лишь теми пределами, которые конституцией были установлены для высших имперских должностных лиц. Поэтому, напр., – а это нужно упомянуть в связи с последующим – направление политики германской империи, составлявшее круг ведения имперского канцлера, и административное управление армией, составлявшее круг ведения военного министра, оставались самостоятельными. Этим поясняется подчеркнутая выше важность временного объединения должностей военного министра и начальника Генерального штаба, при непредвиденных в полном объеме условиях, созданных войной.

Вопрос о проведении в жизнь очень естественной мысли достичь той же цели путем создания стоящей над военным министром и начальником Генерального штаба личности глав-

---

[70] Полностью разделяя точку зрения А. Снесарева, хочется отметить, что после отставки Фалькенгайна его соратник продержался на своем посту недолго. Уже в октябре 1916 г. в ходе шумного скандала из-за антисемитских по сути высказываний военного министра, приказавшего проверить данные об участии солдат-евреев в мобилизации и боях на фронте, Вильд фон Хоэнборн был переведен на должность командира корпуса. Несомненно, что для отличавшегося впоследствии резко антисемитскими взглядами Э. Людендорфа данный скандал был лишь поводом избавиться от неугодного, «фалькенгайновского» министра.

[71] Полковник Бауэр с прозаической откровенностью говорит по этому поводу, что Вильгельм довольствовался ежедневным докладом Фалькенгайна об общей военной обстановке: «Im iibrigen war Falkenhayn militärisch selbständig» (то есть «в целом в военных вопросах Фалькенгайн сохранял самостоятельность». *Bauer M.* Der Große Krieg in Feld und Heimat. 3. Aufl. S. 72. – *Прим. пер.*).

нокомандующего не возникал в такой прочной, но в то же время конституционной монархии, каковой была Пруссия. Главнокомандующий уже имелся в лице императора; хотя он зачастую и был занят другими делами, он, однако, никогда не позволял другим своим обязанностям заслонить его обязанности главнокомандующего.

С другой стороны, этим не имелось в виду намекнуть, что деятельность военного министра после ее отделения от должности начальника Генерального штаба, или деятельность имперского канцлера протекали без влияния со стороны начальника Генерального штаба, хотя и не всегда согласно его желаниям.

Политика и военное министерство были так тесно связаны с командованием армией в этой борьбе за существование, что не могли быть от него отделены. Где это ни проводилось, там всегда были налицо нездоровые последствия. И наоборот, начальнику Генерального штаба приходилось очень основательно всем этим заниматься, особенно политикой.[72] Но он, кроме редких неизбежных случаев, всегда тщательно избегал принимать участие в осуществлении решений. Он был убежден, – и это мнение еще более укрепилось за время совмещения им обязанностей военного министра и начальника Генерального штаба, – что никаких человеческих сил не хватит, чтобы рядом с верховным командованием исполнять еще другие обязанности. Вероятно, это мнение не было опровергнуто последующими событиями войны. Позволительно утверждать, что вышеописанное немецкое решение задачи управления во время войны большим современным государственным организмом было в принципе удачно. Лучшим решением наши враги нигде не располагали.

Вопрос о том, насколько это решение оправдывалось в жизни, зависел, конечно, как и во всех вещах нашего несовершенного мира, прежде всего от людей, которые должны были проводить в жизнь эти принципы.

Вопрос о ведении союзнической войны не был урегулирован между Германией и Австро-Венгрией ни перед войной, ни при ее объявлении. Причины, почему это так случилось, несмотря на опыты предыдущих коалиционных войн, неизвестны.[73] После смены начальников Генерального штаба изменение существующего порядка вещей не признавалось целесообразным, так как от такой перемены опасались вредного влияния на внутреннюю жизнь австро-венгерской армии и самой двуединой монархии, тем более, что они и так были потрясены неудачами на фронте.

---

[72] Автор не расчленяет понятие политики на внешнюю и внутреннюю, а между тем ему ставилось в упрек – да и его преемнику Гинденбургу, – что он решительно (или почти) не занимался второй. (*Прим. пер.)*

[73] Разумеется, с тех пор относительно непростых отношений «Нибелунгов», т. е. Германии и Австро-Венгрии, и о причинах их нежелания брать на себя более четкие обязательства в довоенное, а также и в военное время, вплоть до кампании 1918 г. написано множество специальных работ. Фалькенгайн по долгу службы должен был не вдаваться в детали дипломатической игры, оставляя занятия этим рейхсканцлеру и статс-секретарю по иностранным делам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.